

ПУТИ развития таланта сложны, неожиданны и непредсказуемы. Порой даже сильное дарование вдруг теряет свою творческую силу — к тому же в период расцвета (Рембо, Россини). Тем более ценно постоянное движение «вперед и выше», неуклонное наращивание не только творческих возможностей, но и творческих достижений.

Об этом в последние годы не раз напоминает нам развитие таланта Михаила Дудина. Написав он только военную «Переpravу» (1945), и тогда он навсегда остался бы не только в истории литературы, но и — достаточно было одних «Соловьев!» — поистине в памяти народной. Книга стихов «Время», отмеченная Государственной премией РСФСР имени М. Горького, казалось, могла свидетельствовать о наивысшем взлете дарования, за которым новых открытий ждать было уже необязательно. Но недавно мы были обрадованы новаторской поэмой «Полярный круг». А теперь поэт издал новую книгу — «Поле притяжения»...

«Жизнь прожить — не поле перейти». Новая книга не только своим названием, но и содержанием побуждает вспомнить старую поговорку. Действительно, такую книгу не напишешь сразу, тем более — не напишешь в молодые годы. Это дневник души, летопись ее роста. Это заметки на полях прочитанных книг, которые лишь по прошествии долгого времени складываются в нечто такое, что можно — а в данном случае и нужно! — доверить даже незнакомому собеседнику.

Диапазон «Поля притяжения» широк и почти безграничен. Введенное автором разграничение текста на разделы не может скрыть поистине вселенской перспективы. Ближний круг — поэты Ленинграда. Затем — русские поэты, наши современники. Поэты братских народов. Зарубежные. Поэты иных времен. Наконец, представители других искусств — художники Пророков, Мильников, Звонцов, Астапов. Наконец, общественные и политические деятели, так или иначе входящие в литературную орбиту.

Что же объединяет этот kaleidoscope? «Хорошие книги, — говорит автор, — диктуются только болью и беспокойством». Все его герои — люди чести и долга, творческого призвания и гражданской ответственности. Поэзия и жизнь соединяются в них органично и неразрывно: «У них у всех

ЛЕТОПИСЬ РОСТА ДУШИ

Михаил Дудин. «Поле притяжения». Проза о поэзии. Л. 1981.

двойная служба: служба защиты Родины и служба защиты Поэзии от мещанской мелочности и филистерства». И в этой своей службе они едины пафосом жизнеутверждения, который только и делает поэта поэтом. С явным удовлетворением в полемике с нигилистами Дудин цитирует М. Пришвина: «Отрицатель должен иметь при себе наличие того совершенства, во имя которого он делает отрицание. Не имеющий в наличии такого идеала отрицатель просто ворует, потому что оставляет в душах ничем не заполненную пустоту».

Есть у автора книги и собственная точка отсчета, критерий подлинного в жизни и литературе. Голос Ольги Берггольц он впервые слышал по радио на полуострове Гангут за четыреста километров от заблокированного Ленинграда, и этот голос был для него пеленгом мущества. Быть «гордым, как знамя», сражаться за народные идеалы, быть нужным народу, как были ему нужны поэты фронтового Гангута и блокадного Ленинграда, — вот что ценит Дудин в своих героях.

Там, на Гангуте, ровно сорок лет тому назад, еще и не помышляя об этом, начинал Дудин создавать эту книгу. А продолжение пришло потом — в ходе многочисленных поездок по стране и миру, то в Башкирию к Мустаю Кариму, то на далекую Кубу.

Об одном авторе Дудин как-то сказал: талантливый, но без судьбы. Личная биография самого Дудина складывалась как биография гражданина, что и придало масштабность его творчеству. Ему присуща социальная интуиция, нелегкая диалектика — оставаться самим собой, но чувствовать при этом и отражать особенности времени.

В последние годы читатель получил книги Дудина, весьма различные по составу и композиции: сборники новых стихов, избранных произведений, поэм, переводов, прозы. Среди них такие значительные, как «Сто стихотворений», «Клубок», «Полус», «Звезды счастья». Последняя примечательна особо: в ней собраны переводы из Бараташвили, Исаакья-

на, Кулиева, Шогенцукова, Карима, Каливидзе и других поэтов.

Постоянный интерес к художественному творчеству других народов стал характерной чертой Дудина. Литературным явлением международного значения являлась публикация стихов Э. Сёдергран, шведской поэтессы, жившей в Финляндии. Инонациональную действительность Дудин осваивает не как читатель, а как творец. И это не может не сказаться и на его историко-литературных очерках.

«Я знаю одно, — признается Дудин, — душа человеческая черствеет в одиночестве, ей непременно нужно общение, ей обязательно надо ломать стену отчуждения, отыскивать схожесть в других людях». Действительно, душевная отзывчи-

ровка многочисленны и в статьях Дудина: «У каждого поэта должен быть свой поэт». Иногда афоризмы предстают в сюжетном развитии: «Мы были влюблены в одну девушку. Звали ее — Поэзия. Между нами не возникало ссор», Или: «Мы только начинали и были похожи на тех рыболовов, которые ловят рыбу чужими удочками. Нам кое-что даже попадалось, и мы по неопытности своей считали этот улов собственным».

Мир поэзии, нарисованный Дудиным, — мир живой, энергичный, развивающийся. В этом мире властвует закон созидания, совершенствования, взаимопомощи, добра — недаром слово «добро» встречается на страницах книги столь часто. Здесь живут традиции товарищества и дружбы, творческой эстафеты, конкретно запечатленной в статье о Борисе Пророкове: приняв эстафету от Маяковского, тот в свою очередь вручает ее молодому Дудину. Велик нравственный заряд «Поля притяжения» — это название поистине колдовское: читатель неизбежно попадает в сферу его воздействия.

Стремление к неизведанному, творческое беспокойство — органическая и привлекательная черта Михаила Дудина. Всегда он полон новых замыслов. «Спокоен тем, что вечно не спокоен» — это и о себе сказал он. Еще не вышло из печати «Поле притяжения», а мы уже держали в руках интереснейшую антологию «Парус», созданную по инициативе Дудина и содержащую стихи поэтов СССР и Финляндии. Но об этом необходим особый разговор...

Владислав ШОШИН

вость, интерес к жизни — без этого не может быть большого поэта, открытого страстям и идеям своего времени. И Дудин, отметив свое 60-летие, летит на полярную станцию «Северный полюс-22».

Желание своими глазами увидеть «горячие точки планеты», помочь друзьям по борьбе ведет Дудина в Португалию, и он открывает для советской поэзии эту страну, где после революции «громко новые глаголы вошли под своды старых стен». В качестве председателя Ленинградского комитета защиты мира он вместе с президентом Всемирного Совета Мира Ромешем Чандрой спешит в Венесуэлу на конференцию солидарности с народом Никарагуа. Новую книгу пронизывают стремительные ветры различных континентов и широт.

Если идейно-тематические горизонты книги очертить в общем виде не представляет особого труда, то жанровую ее принадлежность определить значительно сложнее. Аналитический разбор стихов перебивается и дополняется биографическими этюдами, психологическими очерками — перед нами раздумья писателя, отражающие сложность его собственной индивидуальности. Точнее сказать, это раздумья поэта, передающие не только в содержании и мироощущении, но и в самом стиле высокую патетику его души: «Эшелон летел в трагедию, и остановить его было нельзя».

А. Прокофьев считал особенно важным в стихотворении запев, зачин. Дудин умеет это делать в стихах, не отказывается от этого обволакивающего искусства и в прозе. «Он мог кормить со своих рук всех птиц мира» — так начинается очерк о Пабло Неруде. Но невозможно лишь на патетике держать всю книгу, и в зачинах порой звучит также естественная доверительность бытовой интонации.

Поэт, переходя на время в прозу, обычно привносит в нее позитивные качества своего таланта — прежде всего образность и афористичность, умение выразить ту или иную мысль кратко и емко. Подобные афористические формули-